

ВЕЛИКИЙ МАСТЕР РУССКОЙ СЦЕНЫ

Широко отмечается в нашей стране 200-летие со дня рождения великого русского актера Михаила Семеновича Щепкина. Начавшись на его родине — в Белгородской области, — юбилейные празднества завершились 21 ноября в Москве. Здесь, в Государственном академическом Большом театре Союза ССР, состоялся торжественный вечер, посвященный знаменательной дате.

В президиуме — товарищи Воротников В. И., Зайков Л. Н., Бирюкова А. П. Здесь же — заведующие отделами ЦК КПСС Ю. П. Воронов, А. С. Капто, известные мастера искусств, руководители творческих союзов, представители государственных и общественных организаций, трудовых коллективов.

В эти дни мы отмечаем замечательный юбилей — 200-летие со дня рождения великого мастера русской сцены Михаила Семеновича Щепкина, сказал, открывая вечер, министр культуры СССР В. Г. Захаров. Человек для нас почти легендарный, он сыграл около пяти сот ролей, оставив в истории театра галерею немеркнувших образов. Щепкин по праву стал Первым актером России, способным так мощно воздействовать на умы и сердца современников, пробуждая в них сознание нравственной и гражданской ответственности. Его твор-

чество и сегодня для нас — школа гуманности, демократизма и мужественной борьбы за подлинное обновление духовной жизни народа.

«Слово о Щепкине» произнес председатель правления Союза театральных деятелей РСФСР, народный артист СССР М. А. Ульянов.

Сорок лет отдал Михаил Семенович Малому театру, и поэтому наш дом часто называют «домом Щепкина», сказала народная артистка СССР Е. Н. Гоголева. Сцена, портреты, реликвии тех давних лет — все напоминает о великом актере, о его незаурядной личности. И все то лучшее, что есть в нашем театре сегодня, — все это создано Щепкиным. Передавая, как святая святых, от старших поколений к младшим традиции щепкинского отношения к профессии, мы с бесконечным уважением называем его имя. Никогда не гаснет огонь, зажженный Щепкиным.

От имени земляков великого мастера сцены сердечный привет участникам вечера передал первый секретарь Белгородского обкома КПСС А. Ф. Пономарев. Актер Львовского академического Украинского драматического театра имени М. Заньковецкой, народный артист СССР А. Д. Гай говорил о значении творчества Щепкина.

М. А. Ульянов:

Слово о ЩЕПКИНЕ

...Пока мы в юбилейном щепкинском комитете готовились к сегодняшнему праздничному собранию, не раз всплывала невеселая мысль о том, как обесценились в нашей жизни юбилейные торжества.

Как часто в дни юбилеев мы, утрачивая живое ощущение ушедших в прошлое людей и событий, льстили прошедшему, чтобы польстить себе, фальсифицировали прошлое, чтобы оправдать настоящее, скрыть собственные огрехи.

Нам необходимо знание истины о прошедшем. Не зная этой истины, нельзя ощутить себя частью истории, нельзя понять подлинной логики того непрерывающегося, единого, вечно длящегося процесса, который объединяет прошедшее с нашим нынешним днем и уходит от нас в будущее.

Мы знаем, театр всегда принадлежит своему времени. Спектакль не спрячешь в архив отлеживаться до лучших времен. Театр задохнется без живого отклика зрительного зала. И потому борьба за жизнь и достоинство театра всегда неизбежно становится борьбой за достоинство и самосознание публики, борьбой за общественное мнение, без которого театру не жить.

Не потому ли сто с лишним лет назад на первом в России празднике в честь русского актера (тогда отмечали пятидесятилетие сценической службы Михаила Семеновича Щепкина) прозвучал надолго запомнившийся призыв: «Да создастся на Руси общественное мнение!»

В ответ на эти слова в тот давний день в старом московском зале напротив почтамта на Мясницкой, нынешней улице Кирова (там праздновался юбилей), полчала длилась охватившая и гремела «ура!».

Но ожидания и надежды, вырвавшиеся в тот день, на первом щепкинском юбилее, быстро погасли. Вскоре выяснилось, что до рождения общественного мнения еще далеко, что произошло совсем иное. Точно и зло сформулировал это состояние тогда же Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. На место «пресловутого русского единомыслия», воспитанного каменевшей в неподвижности николаевской эпохой, пришло не менее пресловутое «русское галдение».

И надо сказать, что это галдение перебралось и на сценические подмостки. Разброд в театре повел к появлению лукавых идей, утверждавших, будто бы театр наиболее благополучно и легко творит в те эпохи, когда его приручает и подкармливает деспотизм. Да и теперь приходится кое от кого слышать, будто бы именно строгий надзор и щедрое поощрение приводили театр к расцвету и при Людовике XIV, и у нас, при Николае I, и позже, после разгрома «формализма» и «натурализма» в 1936 году.

Но все мы отлично знаем,

что на деле это были эпохи унижения театра.

Деспотизм любит присваивать то, что не им создано. Нет! Истоки настоящего искусства всегда чисты и бескорыстны.

Михаил Семенович Щепкин, великий собиратель театральной культуры и ее реформатор, превратил русский театр в выражение духовной жизни народа.

Он решил эту колоссальную, труднейшую, самую важную для достойной жизни театра задачу, которая вновь и вновь с неизбежностью возникает перед театром на каждом новом витке исторической спирали.

Эту коренную задачу существования театра вслед за Щепкиным в иных условиях решал Станиславский.

Ныне решать ее должны мы. Театр должен оставаться тем, чем стал при Щепкине и Станиславском, — подлинным выражением духовной жизни народа в ее истинном объеме, во всей сложности ее реальных противоречий.

Собравшись сегодня здесь в честь Михаила Семеновича Щепкина, мы вспоминаем об исторических масштабах его творческого дела, о повороте для нашего театра значении его творчества.

Вспомним и об уникальности его незаурядной личности. Вспомним о том, каких усилий потребовали от него одержанные им победы.

Это была натура богатырская. Щепкин обладал не только огненным сценическим темпераментом и ясным аналитическим умом. Он обладал завидным запасом жизнестойкости, громадной выносливостью, упорством, терпением.

Один из его учеников рассказывал: «Это был человек выработанных твердых убеждений, с большой волей, бесспорно умный и с немалой долей малороссийской хитрости, гуманный, любящий, но непоколебимый никому наступить себе на ногу и нелегко прощающий обиды выше его поставленным людям. Он вменял в себе частичку характера Тараса Бульбы и, кажется, любил в себе эту черту».

Выйдя из самых низов, не имея возможности получить сколько-нибудь систематического образования, он с поманосовским рвением добился того, что как равный вошел в университетский и литературный круг Москвы.

Вчерашний крепостной, он стал собеседником Пушкина, сподвижником Гоголя, сблизился на правах «старшего брата» (как нежно назвал его Герцен) с талантливейшими кружками выдающейся московской молодежи, тон в которых задавали Белинский, Грановский, Герцен.

Щепкину не приходило в голову кичиться своим происхождением из крестьян или недостатком образования — подобная кичливость набрала силы в нашей жизни много позже, во времена всем нам, к сожалению, очень памятные.

Могущество Щепкина было не в том, что он вышел из народа, а в том, что, поднявшись к высотам цивилизации, став одним из вождей культуры, он — как прекрасно сказано о нем Федором Михайловичем Достоевским — никогда не переставал быть народом.

Как Пушкин, он знал, что для настоящего художника «внутренняя награда выше всяких аплодисментов», что художник — сам свой высший суд, сам лучше, чем кто бы то ни было, способен определить задачи и цели своего дела.

Но на протяжении долгих десятилетий своей службы на императорской сцене, все годы своей всероссийской славы он, по словам умнейшей из его учениц, «хорошо понимал, что находится в крепости у чиновников, понимал что в их руках были и благосостояние, и талант его».

В сетях чиновничьего равнодушия и произвола он, случалось, готов был в напрасных поисках справедливости апеллировать к самому государю императору, к которому его в этих случаях, естественно, не допускали, или — от той же безвыходности и отчаяния — грозил своим прямым начальникам тем, что обличит их несправедливости в герценовском «Колоколе». Вырваться из зависимости от чиновничьей дирекции не мог даже Щепкин.

Александр Николаевич Островский, с которым Щепкина разделяли серьезные разногласия и творческие споры (на их противоречия не надо закрывать глаза, наши великие предшественники тоже немало спорили и воевали между собой), так вот Островский, негодую на зараженность современного ему русского актерского мира духом низкопоклонства, обличая проявления рабьей психологии даже в столь близкой ему, Островскому, труппе великого Малого театра, готов был возложить на Щепкина чуть ли не главную вину и ответственность за живучесть актерского холопства.

Но вернее и справедливее было бы сказать, что Щепкину всю его долгую жизнь приходилось капля за каплей выдвигать из себя раба.

Эта горькая и трезвая чеховская формула — о выдавливании из себя раба — должна быть принята нами как внутренний стержень многих и многих — самых выдающихся и самых рядовых — российских биографий.

Выдавливала из себя раба Щепкину приходилось в страшные годы, культивировавшие и навязывавшие рабью мораль.

На его глазах было изгнано из русской жизни поколение декабристов и на сибирскую каторгу вместе со своими соратниками отправился князь Сергей Волконский, который в 1818 году на Роменской ярмарке азартно собирал деньги на выкуп Щепкина из крепостной

(Окончание на 2-й стр.).

Слово о ЩЕПКИНЕ

(Окончание.
Начало на 1-й стр.).

неволи и в парадном генеральском мундире лично обходил лавки купцов с подписным листом в руках.

На глазах Щепкина задыхалось поколение русских «лишних людей», остававшееся невостребованным в годы николаевщины. Щепкин любил декламировать стихотворение Николая Щербинина, посвященное судьбе этого поколения: «О дети лучшие колена молодого, И вас меж ближними никто признать не мог!»

На глазах Щепкина ушел в политическую эмиграцию Герцен, и с тех пор многие годы за неизменно многолюдным обеденным столом Щепкинских один из старых друзей Герцена доказывали, что Герцен «должен был работать на родине, несмотря на все препятствия и опасности, которые могли бы ожидать его в будущем», а другие за тем же столом возражали, доказывая, что всякая деятельность в России стеснена и работа невозможна.

И на протяжении всех этих десятилетий Щепкин выходил на сцену Малого театра.

Он работал не покладая рук и имел право сказать о себе: «По силам я исполнил своей человеческий долг...»

Но порой его охватывало отчаяние. «Занятие мое по службе сделалось мне несносно, даже отвратительно, потому что из артиста делают поден-

щика; репертуар преотвратительный», — жаловался он сыну.

Об отсутствии права на творческую свободу, узурпированную управляющим театром чиновничеством, он писал Гоголю: «Нам дали все, то есть артистам русским, деньги, права, пенсии, и только не дали свободы действовать, и из артистов сделали мы поденщиками, нет, хуже, поденщик свободен выбирать себе работу, а артист играй, играй все, что повелит мудрое начальство».

Наблюдая за губительной растратой сил, которой оборачивалось участие Щепкина в недостойном его репертуаре, Гоголь оставил в своей рабочей тетради скорбную заметку о невосполнимости тех потерь, которые несло искусство великого актера.

«Вмешали в грязь», — писал Гоголь о Щепкине, — заставляя играть мелкие, ничтожные роли, над которыми нечего делать... Это все равно, что архитектора, который возводит гениально сообразное здание, заставляют быть каменщиком и делать кирпичи».

Ситуацию, в которой протекала работа Щепкина, Гоголь воспринимал как трагическую и противостоющую. Гоголь знал, что все должно быть наоборот, что по сути вещей нормальным можно считать только то положение, при котором «дирекция все-таки правится публикою, а публикою правит актер».

Итак, приходится вернуться к тому, о чем я говорил вначале:

Борьба за достоинство театра не может не превратиться в борьбу за достоинство публики.

И потому сегодня, на нынешнем щепкинском празднике, думая о судьбах нашего театра, неотрывных от судеб родины, вспоминая его далекое и недавнее прошлое, видя перед собой его трудно складывающееся настоящее, думая о его неясном еще завтрашнем дне, я хочу с этой прекрасной сцены, которая столько видела, обращаясь к этому залу, который столько слышал, повторить и попробовать наполнить новой силой тот клич, который прозвучал когда-то на первом (и единственном в его долгой сценической жизни) чествовании Михаила Семеновича Щепкина, и в полный голос провозгласить:

Да не вернется к нам никогда наше недавнее пресловутое единомыслие!

Но и не погрязнем мы в бесплодной болтовне!

И да создастся же, наконец, у нас подлинное, свободное общественное мнение.

Чествуя сегодня Щепкина, думая о его вкладе в историю русского театра, вновь и вновь вглядываясь в пути нашего искусства и в его связи с нашей жизнью, задумаемся еще и еще раз об общей ответственности всех нас за судьбу и достоинство нашего театра.